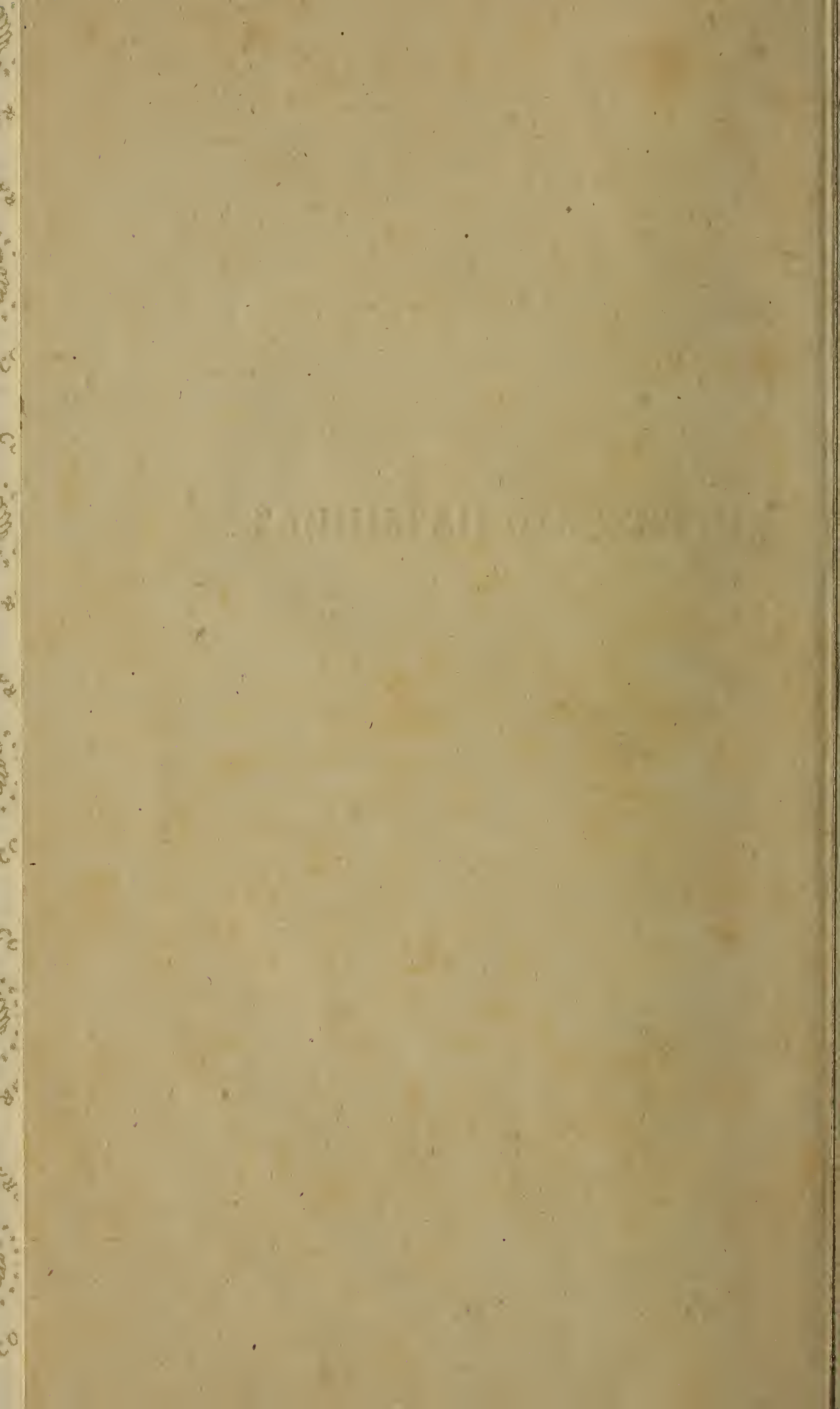

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

КИРГИЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

КИРГИЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ,

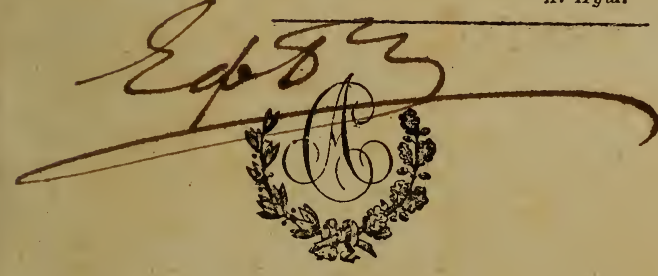
ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

Н. МУРАВЬЕВА.

(Взята съ истиннаго произшествія Оренбургской линіи.)

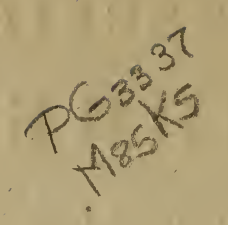
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей! —

А. Пуш.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирургической Академіи.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были три экземпляра сей книги въ Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Маія 28 дня 1828 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ,

Императорскаго Московскаго Университета и его учебнаго Округа Попечителю и Орденовъ, Россійскихъ: Св. Анны первой степени, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія третьяго класса и Св. Владиміра третьей степени; иностранныхъ, Прусскаго: Pour le mérite; Сардинскаго: Св. Маврикія и Св. Лазаря первой степени

Кавалеру,

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПИСАРЕВУ,

знаменитому Любителю Словесности

свой первый опытъ съ глубочайшимъ уваженіемъ

посвящаетъ

Николай Муравьевъ.

Въ часы святые вдохновенья,
Когда въ груди моей младой
Горѣлъ восторгъ самозабвенья
И огнь Поэзіи святой,
Когда во снѣ златыхъ мечтаній
Я въ міръ далекій улеталъ,
Когда мнѣ сердце раздиралъ
Порывъ возвышенныхъ желаній,
Порывъ завѣтныхъ упованій —
Явилась Муза предо мной;
Какъ Ангелъ милый неземной,
Она величіемъ сіяла,
Небесной кротостью полна,
Неизъяснимая, она
Съ улыбкой нѣжной мнѣ вѣщала:

» Съ тобой пришла я раздѣлить
» Минуты сладкихъ пѣснопѣній,

» Тебѣ вдохнуть и пробудить
» Живой и быстролетный геній!
» Лови восторги вдохновеній,
» Лови восторги юныхъ лѣтъ.
» Быть можетъ, будешь ты — Поэтъ,
» И прахъ твой, въ урнѣ сокровенный,
» Потомство позднее почтитъ
» И надъ тобою пролетитъ
» Молвы и славы гласъ священный!»

И съ той поры я мраченъ, дикъ,
Ищу всегда уединенья,
И пламень жаркій пѣснопѣнья
Въ младую грудь мою проникъ;
И первый плодъ свой посвящаю
Тебѣ, тебѣ, Поэтъ-герой!
Досуги юности живой
Тебѣ почтительно вручаю. —
Гдѣ плодовитое растетъ
Спокойно сѣмя просвѣщенья,
Рука твоя тамъ лавры жнетъ
Серпомъ благаго попеченья;

Ты помнишь, какъ стрѣлою мчалъ
Полки Россіи окриленны,
Какъ мечь твой грозный бушевалъ
По силамъ рати дерзновенной.
Любовь къ Отечеству храня,
Герой! ты съ мужествомъ былъ друженъ,
Берёгъ отчизну и Царя,
И ихъ покой тебѣ былъ нуженъ;
Но ты сложилъ героевъ грузъ,
И не твоя теперь Беллона,
Вступилъ въ обитель мирныхъ Музъ —
И сталъ ужь другомъ Аполлона!
Прими же, Аполлоновъ другъ,
Пѣвца младаго приношенье;
Тобою святъ его досугъ
Въ часы златые вдохновенья! —

КИРГИЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

I.

Въ странѣ свободной и степной,
Гдѣ путникъ проходить страшится,
Гдѣ страшный, гибельный разбой
Въ улусахъ дикарей таится; [1]
Гдѣ ночь холодная страшна,
Гдѣ хлещетъ вьюга боевая
И затмѣвается луна
Злодѣйствомъ тягостнаго края;
Тамъ своевольныхъ удальцовъ
Въ притонъ Уральскихъ береговъ
Толпа коварная несется —
И топотъ рѣзвыхъ ихъ коней
И на горахъ и средь степей
Въ тиши пустынной раздается.

II.

Слетаетъ ночь — и съ ней луна
Надъ полусонною природой
И одинока и блѣдна
Злашитъ безоблачные своды;
Мелькаютъ тѣни по горамъ,
Въ дали безмолвной тамъ густятся
И звѣзды яркія катятся
По задремавшимъ небесамъ;
Зефиръ прохладный и лѣнивый
Листы деревъ чуть шевелитъ,
И Богадакъ волной игривой [2]
По мрачнымъ берегамъ скользитъ.
Хребетъ Рифейскій грозной, длинной
Чернѣется въ дали пустынной.

III.

Киргизцы буйною толпой,
Чуть озаренные луной,
Летятъ, какъ вихорь въ чистомъ полѣ;
Лелѣютъ, холютъ ихъ коней,
Узду пускаютъ имъ по волѣ,

И кони скачутъ веселѣй.
Сыны губительнаго края,
Могучи, съ бодрою душой,
И смерть и гибель презирая,
Отважно мчатся на разбой.
Кинжалъ, товарищъ неизмѣнный,
И вороненая стрѣла,
И лукъ, берестой оплетенный,
На немъ тугая тетива,
Да шашка острая стальная
Киргизцевъ украшаютъ строй.
Они сосѣдственнаго края
Священный рушили покой:
Боятся ихъ всѣ жены, дѣти,
Внимая дѣдовскимъ словамъ
И удивляясь ихъ дѣламъ,
Мужья трепещутъ страшной сѣти.

IV.

Не разъ ихъ мѣткая стрѣла
Путь чужестранца прерывала,

И смертью грозною она
Въ странѣ чужой его вѣнчала;
Не разъ ихъ смѣлая рука
Не дрогла рѣзать старика —
И юноша, любовью полный,
Бывалъ добычей удальцовъ....
Но вдругъ съ Уральскихъ береговъ
Его глотали быстры волны!
Иной страданье дней влачилъ
Въ плѣну, работой отягченный;
Напрасно онъ возвратъ манилъ
Въ свою страну, въ свой край священный.
Роднаго неба не узритъ,
Не раздѣлитъ съ семьей досуга,
И часъ златой не пролетитъ
Въ бесѣдѣ беззаботной друга.

V.

О любопытные друзья!
Побѣгъ оттуда не возможенъ:
Киргизецъ смѣлый остороженъ,
Все стерегутъ его глаза —

И рѣдкій, рѣдкій заключенный
Отъ взора зоркаго бѣжалъ.
Тогда по степи сокровенной
Улусъ погоню посылалъ,
И если грозныхъ догоняла
Гонцевъ сердитая толпа,
Тогда несчастнаго стрѣла
Неумолимая сражала!

VI.

Въ кружокъ Киргизцы средь огней
Усѣлись. Въ тьмой покрытомъ полѣ
Они оставили коней
Щипать траву, бродить по волѣ.
Колчаны, стрѣлы ихъ лежатъ
Близь нихъ. Они не умолкая
О бранныхъ сѣчахъ говорятъ,
Биваки дѣдовъ вспоминая,
О удальцахъ ихъ молодыхъ
И страшномъ, вольномъ ихъ разбоѣ.
Другіе, въ грезахъ роковыхъ,
Покрыты чепкомъ, спятъ въ покоѣ; [3]

Иные пьютъ; ихъ веселитъ
Съ кумысомъ тунка круговая; [4]
Но вдругъ безмолвье — и летитъ
Батыря пѣсня удалая. [5]

VII.

КИРГИЗСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Живемъ, отважные, въ горахъ,
Питомцы щастливой свободы;
Мы яснымъ днемъ сосѣдямъ страхъ,
А ночью — демоны природы [6]!

2.

Мы часто рыщемъ средь степей
На коняхъ рѣзвыхъ беззаботно;
Завидя путника — скорѣй
Къ нему—какъ вѣтры быстролетны!

3.

Что ни отыщемъ, все беремъ;
И люди, злато, кони — наше!

Не то — мы колемъ, рубимъ, бьемъ
И бодро острой шашкой машемъ!

4.

Вотъ какъ кочуемъ мы въ горахъ,
Питомцы счастливой свободы!
Мы яснымъ днемъ сосѣдямъ страхъ,
А ночью демоны природы!

VIII.

Такую пѣсню распѣвалъ
По степи вѣтеръ заунывный,
И отголосокъ повторялъ
Въ горахъ Батыря голосъ дивный.
Внимали съ доброю душой
Киргизцы пѣсни удалой.
Теперь спокойно всѣ сидѣли,
Всѣ въ даль пустынную смотрѣли,
Чтобы узрѣть кого нибудь
Въ дорогѣ позднею порою;
То посылали заглянуть
Въ лѣсокъ; но ни одной душою

Не встрѣченъ хитрый сторожъ. Вдругъ
Прервался шумный ихъ досугъ;
Какъ въ ночи зимнія мятели,
Толпы Киргизцевъ зашумѣли:
« Улусъ, улусъ! среди степей
« Видна добыча золотая;
« Скачите, смѣлые, скорѣй,
« И смерть и страхъ позабывая!»
И хлынулъ таборъ кочевой
Неотразимою волной. —

IX.

Тамъ, на долинѣ, гдѣ сліяли
Рѣка съ рѣкой свои струи,
Табунъ пасли и охраняли
Сторожевые Козаки.
Они на коняхъ всѣ сидѣли
Отважно - бодрые верьхомъ,
Горѣлку пили, пѣсни пѣли,
Да объѣзжали лугъ кругомъ.
Вдругъ свистъ..... Киргизцы удалые
Текутъ шумящею рѣкой —

И скаты Извоса крутые [7]
Покрыты буйною толпой.
Козаки видятъ шайку дикихъ;
Въ очахъ ихъ бодрости туманъ;
Готовы мстительныя пики,
Готовъ губительный орканъ;
Сіяютъ яростію очи,
Душа кипитъ отвагой злой,
Не страшенъ имъ и сумракъ ночи
И удальцовъ могучій строй!

X.

Нагрянули — и роковая
Ужасно сѣча ужь кипитъ,
И за стрѣлой стрѣла летитъ,
Холодный воздухъ разсѣкая;
И сабли острыя звучатъ,
И раздается шумъ сраженья,
И пули грозныя летятъ,
Разя враговъ безъ сожалѣнья.
Вотъ рядъ ужь храбрыхъ Козаковъ
Станица буйная сразила; —

Но вторе гибельныхъ враговъ
Уральцовъ пика положила,
И теплая героевъ кровь
Холодну землю обагрила.

XI.

Вотъ ринулись въ послѣдній разъ,
Направивъ копья роковыя. . .
Сразились — пробилъ страшный часъ :
Легли Козаки удалые ! . . . .
Одинъ лишь Ѳедоръ былъ спасенъ
Отъ смерти счастливой судьбою :
Киргизцевъ мѣткою стрѣлою
Одинъ онъ не былъ пораженъ ;
Дрожа, отъ ранъ изнемогая,
Онъ на землѣ сырой лежалъ ;
Къ злодѣямъ мщеніемъ пылая,
Онъ саблю дважды обнажалъ,
Онъ дважды тихо привставалъ ;
Но битва силъ его лишила,
Склонилась скорбная глава,

И побѣдителей толпа
Къ страдальцу съ крикомъ подступила.—

XII.

Уральца обнялъ хладный страхъ,
И тяжко грудь его дышала;
Но въ угасающихъ очахъ
Все ярость злобная мелькала.—
Къ плечу поникнувши главой,
Окрестъ бросалъ онъ взглядъ укора,
Чело туманилось тоской
И разлетался пламень взора,
Въ немъ кровь и душу волновалъ
Порывъ неукротимый мщенья,
И часъ постыдный заключенья
Его тревожилъ и смущалъ,
И въ забытьи онъ, изступленный,
Склонясь на мечь окровавленный,
Ужь на Киргизцевъ не взиралъ.

XIII.

Летучія какъ въ морѣ волны
Грозою мчатся и кипятъ,

Разбойники, веселья полны,
Предъ нимъ бушуютъ и кричатъ.
Они всѣ раны завязали
Уральцу, слабому душой —
И обагренною рукой
Его въ желѣза заковали,
Табунъ погнали за лѣскомъ,
Все дальше, дальше — и потомъ
Въ тиши далекой изчезали....
Ужь утро. Степь одѣта мглой,
И брезжетъ свѣтъ въ дали глухой.

XIV.

Такъ, плѣнникъ грустный и усталый,
Не жди возврата въ ту страну,
Гдѣ онъ, во цвѣтѣ лѣтъ, бывало
Вкушалъ восторговъ тишину,
Гдѣ пылкій часъ самозабвенья
Въ привѣтахъ ласковыхъ леталъ,
И гдѣ минуты наслажденья
Какъ мчались, онъ не замѣчалъ.
Его лелѣялъ огнь лобзаній

И быстролетной нѣги сонъ;
Но потерялъ златое онъ
Средь обольстительныхъ желаній.
Какъ сонъ, мелькаетъ передъ нимъ,
Теперь все прежнее, былое,
И щастье рѣзвое, младое
Навѣки распрощалось съ нимъ!

XV.

Восходитъ солнце — все встрѣчаетъ
Привѣтомъ радостнымъ его,
Лучами яркими оно
Природу гордо озаряетъ.
Запѣли птички; на лугахъ
Стада пасутся, кони бродятъ;
Тамъ лани робкія въ горахъ
Пріютъ спокойствія находятъ;
Тамъ стая бѣлыхъ лебедей
Слетаетъ вдругъ съ нагихъ полей;
Тамъ жаворонокъ надъ нивой вьется,
Поетъ — и въ вышину несется;
Тамъ рѣчки злачныя струи

Шумятъ прохладою они. . .
Все въ сей странѣ очарованье,
Все радостью одной живетъ,
Не безъ надеждъ и упованья
Яснѣетъ, блещетъ и цвѣтетъ.
Но грустный гость степи и брега
Тоскуетъ въ горѣ роковомъ;
Не для него въ краю чужомъ
Порхаетъ щастливая нѣга.
Какъ дѣвы поцѣлуй, какъ дымъ,
Изчезла радость передъ нимъ.

XVI.

Теперь онъ рабъ — его желанья
Не исполняетъ ужь никто;
Любви святой очарованья
Ужь не блистаютъ для него.
Лишь только свѣтъ забрезжетъ въ полѣ,
Покроетъ влагой все роса —
А онъ ужь долженъ по неволѣ
Пасти Киргизскія стада;
Въ цѣпяхъ и въ скукѣ изнывая,

Уйти и думать позабыть,
Злодѣевъ волю исполняя,
Съ скотами вмѣстѣ ѣсть и пить, [8]
Сидѣть въ дремотѣ заключенья
И не роптать на лѣтній зной,
И горестной души волненья
Скрывать предъ грозными порой —
Вотъ что назначено судьбой
Ему. Такъ велъ онъ дни и ночи,
Дремотой не смыкая очи. —

XVII.

Близь рощи темной и въ глуши,
Гдѣ разстилалась сѣнь лѣсная,
Въ уединеньи и въ тиши
Стояла юрта Котлубая. [9]
Ему достался молодой
И бѣдный Ѳедоръ въ заключенье.
Батырь могучій, хоть сѣдой,
Любилъ пиры и шумъ веселья,
Любилъ онъ часто въ ближній лѣсъ

Стрѣлой за ланями пускаться,
Подъ кровомъ дремлющихъ небесъ
Прохладой ночи наслаждаться;
Когда-жъ грозою тмилась ночь,
Сидѣлъ онъ дома, не скучая.
Его молоденькая дочь
Была прелестная, младая,
Краса Калымовъ и полей; [10]
Она рѣзвилась средь дѣтей,
Невинно старца утѣшая.

XVIII.

Среди семьи своей родной,
Какъ маргаритка полевая,
Баяна милая, младая
Цвѣла весеннею красой.
Она любви еще не знала
И томнымъ голосáмъ страстей —
Среди младенческихъ затѣй —
Со вздохомъ тайнымъ не внимала;
Безпечно прыгала, скакала,
Была рѣзва и весела;

Какъ моря яркая струя,
Какъ непорочность неземная,
И откровенна и чиста
Была душа ея младая;
Пылалъ огонь въ ея очахъ,
Мелькала сладость на устахъ.

XIX.

Летѣло время; годъ промчался,
Во слѣдъ за нимъ еще другой;
И Ѳедоръ храбрый и младой
Къ неволѣ тяжкой приучался.
Онъ понемногу привыкалъ
Къ ихъ жизни гибельной и праздной,
И вмѣстѣ съ горемъ забывалъ
Свой плѣнъ въ дали однообразной;
Забылъ онъ жирные блины,
Качели, горы и ристанья,
О святкахъ страшныя гаданья —
Затѣи Русской старины,
И какъ бывало на свободѣ
Сбирались дѣвки въ хороводъ,

Какъ веселился весь народъ
Въ простой, но счастливой природѣ!

XX.

Какъ на широкомъ на дворѣ,
Въ безмолвной вечеръ, на зарѣ,
Вокругъ пронзительной свирѣли,
Иль балалайки вырѣзной
Онѣ рѣзвились межь собой
И прославляли имя Леля;
И какъ на святкахъ вечера
Онѣ въ гаданьяхъ провождали,
Пололи снѣгъ, *ау!* кричали
И уходили со двора.
Все, все среди уединенья
Нашъ бѣдный Ѳедоръ забывалъ,
Въ цѣпяхъ, одинъ и въ заключеньи [11]
Теперь онъ меньше горевалъ;
Но все его еще манило
Въ страну его весеннихъ дней
И какъ бы что-то говорило:
« *Ступай туда, тамъ веселѣй!* »

XXI.

« Гдѣ дни священныхъ наслажденій?
За чѣмъ промчалися они?
За чѣмъ такъ быстро увлекли
Восторги сладкихъ упоеній?
И радости прошедшихъ дней
И игры юности моей —
Увы! все, все, чѣмъ сердце билось,
Уже ли все мнѣ только снилось?
Уже-ль еще не увидать
Поля и хуторы родные,
И васъ, о дѣвы молодыя,
Еще не стану цѣловать,
Слезою страстной орошать?

XXII.

« Но такъ и быть! Прости же, радость
Безпечныхъ, быстрыхъ, ясныхъ дней!
И ты, неопытная младость,
Пора невинная людей!
И вы, плѣнительныя дѣвы,
Кому я въ тишинѣ ночной

Шепталъ любовные припѣвы
Подъ кровомъ хижины родной!
И вы, товарищи и други,
Кому я посвящалъ досуги
Моей веселости живой!
И вы, биваки и сраженья,
Вино, пиры и шумъ веселья!
Простите!... пробилъ страшный часъ....
Нѣтъ....... такъ! я забываю васъ!» —

XXIII.

Такъ чувства плѣнника страдали,
Такъ звуки трепетныхъ рѣчей
Его печали изливали.
Воспоминанья прошлыхъ дней
Его крушили и смущали.
Такъ говорилъ онъ иногда
Въ жару мечтаній, изступленный —
Но гаснулъ будто навсегда
Въ немъ пламень грусти сокровенный,
И рѣже онъ въ тиши ночной
Скучалъ туманный и унылый,

Когда предъ нимъ мелькалъ златой
Былаго счастья призракъ милый. —
Теперь хотѣлъ онъ позабыть
Все невозвратное, былое,
И страстью нѣжной освѣтить
Житье-бытье свое дурное. —

XXIV.

Теперь ему не такъ и жаль
Поля и хуторы родныя;
Теперь ужь новая печаль
Зажгла въ немъ чувства молодыя.
Задумчивъ онъ. . . . ему милѣй
Пасти стада среди полей;
Въ немъ сердце Русское не спало
И для любви вновь запылало.
Баяну часто видѣлъ онъ.
Душа огнемъ воспламенялась,
Предъ нимъ порхалъ блаженства сонъ,
И сердце страстью раздиралось;
Онъ трепеталъ, скучалъ, горѣлъ,
Бродилъ задумчивый, унылый,

И напослѣдокъ захотѣлъ
Дѣлиться съ нею жизнью милой. —

XXV.

И въ грудь Баяны молодой
Ужь огнь томительный закрался:
Ей образъ Ѳедора драгой
И днемъ и ночью все являлся.
Всегда носился онъ предъ ней
Въ томленьи страсти необъятной,
Какъ вѣстникъ тайный, непонятный,
Съ отрадой пылкою своей. —
Она задумываться стала,
Грустила, плакала, скучала
И не заботилась о томъ,
Какъ каракуй-руки рѣзвились, [12]
Какъ въ полѣ тихомъ, золотомъ
Ея подруги веселились.
Она забыла ихъ привѣтъ,
Она оставила забавы;
Ей стукнуло — пятьнадцать лѣтъ. —
Такъ, дѣвы въ эти лѣта правы

Безпечности разсѣять дымъ,
Покинуть рѣзвую подружку,
Заняться чѣмъ нибудь другимъ
И выбрать новую игрушку.

XXVI.

Уралецъ добръ и молодъ былъ,
Такъ и не диво, что плѣнилъ
Младую дѣву; но къ несчастью
Боялся стараго отца,
Какъ роза хладнаго ненастья,
Какъ Веста грознаго жреца;
Но страсть опасность побѣждаетъ
И все всегда превозмогаетъ.
И такъ нашъ Ѳедоръ забывалъ
Свою страну не понапрасно;
Любовный пламень въ немъ ужасно
И кровь и сердце волновалъ —
Ужъ неразгаданное счастье
Онъ называлъ опять своимъ,
И пѣлъ въ мечтаньяхъ сладострастья,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ —

Какимъ-то милымъ привидѣньемъ
Ему является она —
И пѣснь его оживлена
Любви священнымъ вдохновеньемъ :

XXVII.

Она мила —
Не разлюби!
Она вѣрна —
Не измѣни!

Ея любовь
Не узришь вновь;
Не ожидай,
Не измѣняй!
Любить вѣрнѣй
Лѣта весны;
Лишь для затѣй
Онѣ даны.
Лови-жъ скорѣй!

Она мила —
Не разлюби!

Она вѣрна —
Не измѣни!

Ея краса
Цвѣтка свѣжѣй;
Ея глаза
Звѣзды ярчѣй.
Они горятъ,
Они манятъ,
Они разятъ —
И ты лови,
И дорожи,
И сохрани
Огонь любви
Въ душѣ своей
Для юныхъ дней!

Она мила —
Не разлюби!
Она вѣрна —
Не измѣни!

XXVIII.

Такъ Өедоръ пѣлъ — и разносились
По вѣтру скорыя слова.
Въ дали ужь гаснула заря,
И тѣни ночи низпустились;
Уже на небѣ голубомъ
Явилось лунное сіянье
И листьевъ съ позднимъ вѣтеркомъ
Порхнуло тихое шептанье;
А плѣнникъ бродитъ средь полей,
О снѣ покойномъ забываетъ
И звуки пѣсней и рѣчей
Съ ночными стонами мѣшаетъ. —
«Но кто таинственной тропой,
«Какъ тѣнь могильная, мелькаетъ,
«Покрыта бѣлой пеленой?

XXIX.

«За чѣмъ спокойныя мечтанья
«Она мнѣ можетъ прерывать
«И всѣ надежды, упованья
«Своимъ явленьемъ разрушать?

« Я ночью тихой наслаждался ;
« Ахъ! я манилъ одну любовь ;
« Я забывалъ , терялъ — и вновь
« Ужь ей отрадно предавался ;
« И вдругъ разрушенъ золотой
« Восторгъ мечты неизъяснимый ,
« И вдругъ опять неумолимый
« Былаго призракъ предо мной !
« Ужь близко онъ..... но кто-жъ опасный
« Меня желаетъ подсмотрѣть ?
« Ахъ ! если-бъ могъ я въ немъ узрѣть
« Небесный образъ дѣвы страстной ! »

XXX.

И зритъ Баяну предъ собой —
Лица не видно : пеленой
Оно закрыто. Въ восхищеньи
Уралецъ пылкій задрожалъ ,
Не могъ сказать , горѣлъ , вздыхалъ
И таялъ въ тайномъ умиленьи.
Но вотъ безтрепетно она
Къ нему , веселая , подходитъ ,

И откровенна и мила
Съ нимъ тайный разговоръ заводитъ:

XXXI.

« Люблю тебя... увы! давно
Терплю любви моей мученье!
И мнѣ судьбою суждено
Дѣлить съ тобою наслажденье.
Мнѣ скучно, милый, безъ тебя:
Я все грущу и изнываю
И ночь не сплю, совсѣмъ нѣтъ сна;
Повсюду о тебѣ мечтаю;
Но ты молчишь — или меня,
Язюрень милый, ты не любишь? [13]
Увы! несчастную погубишь,
Жестокій! знай, что въ силахъ я....»
Баяна такъ проговорила,
И бѣлоснѣжною рукой,
Къ плечу поникнувши главой,
Уральца тихо окружила.
Предъ этой милой простотой,

Предъ этой кротостію взгляда
Мелькнула въ Ѳедорѣ отрада,
По членамъ пламень пробѣжалъ;
Онъ улыбнулся — и сказалъ:

XXXII.

« О дѣва горъ! уединенный,
Я также чувствую любовь;
Твой образъ милый, несравненный
Во мнѣ волнуетъ также кровь.
Давно, давно и я страдаю
Къ тебѣ сей страстью роковой;
Давно восторгъ любви живой
Съ тобой я раздѣлить желаю;
Но край родной не въ силахъ я,
Киргизка милая, оставить.
Ахъ! для чего печаль убавить
Не можетъ юная душа?
О! если-бъ могъ я насладиться
Въ кругу большомъ семьи своей!
О! если-бъ мнѣ переселиться
Къ веселью пролетѣвшихъ дней!

Меня въ поля мои родныя
Когда бы могъ кто возвратить —
Ужь такъ ли-бъ сталъ я тамъ любить
Баяны очи голубыя. » —

XXXIII.

« Не плачь, Уралецъ, милый мой!
Я возвращу тебѣ свободу,
Ты вновь узришь свой край родной,
Свою священную природу.
И завтра лучшаго коня
Я приведу сама лихаго;
Къ тебѣ подъ вечеръ буду я —
А мой отецъ не будетъ дома.
. . . .
Пора — отецъ мой, чай, не спитъ;
Ты знаешь, другъ, старикъ сердитъ.
Прости, прости! Когда покроетъ
Безмолвнымъ мракомъ ночь поля,
Тогда, мой другъ, ты жди меня. » —
Она простилась. Сердце ноетъ;

Люблю!.... люби!.... Часъ роковой
Восторги пылкіе уноситъ
И эхо въ рощѣ вѣковой
Баяны поцѣлуй разноситъ. —

XXXIV.

И вотъ настала ночь. — Она,
Въ обѣтахъ милая вѣрна,
Къ нетерпѣливому подходитъ
И лучшаго коня подводитъ.
И радъ нашъ Ѳедоръ молодой;
Онъ дѣву милую лобзаетъ
И руку трепетной рукой
Онъ къ сердцу крѣпко прижимаетъ.
Забылъ побѣгъ. Онъ съ ней дѣлитъ
Восторги чистыхъ наслажденій;
Неизъяснимая летитъ
Секунда быстрыхъ упоеній......

XXXV.

Вотъ златорогая луна
По своду мрачному гуляетъ

И на уснувшія поля
Свое мерцанье изливаетъ.
Уралецъ скачетъ — сонъ кругомъ —
Рукою крѣпкой держитъ онъ
Подругу. Конь нетерпѣливый,
Какъ вихрь губительный, летитъ,
И чрезъ кусты, неукротимый,
Онъ скачетъ, мчится и храпитъ.
Киргизку юную лобзаетъ
Нашъ Ѳедоръ какъ-то веселѣй,
Коня торопитъ, погоняетъ
И восклицаетъ: «ахъ, скорѣй!»

XXXVI.

Въ немъ сердце радостное бьется:
Завидѣлъ родины онъ дымъ;
Густая пыль уже несется
Съ полей родимыхъ передъ нимъ;
Онъ слышитъ тихое журчанье
Ручья, знакомаго ему,
И мѣстъ родныхъ очарованье

Ему явилось на яву. —
«Опять, поля мои родныя,
«Опять, щастливый, вижу васъ!
«Насталъ благословенный часъ —
«Узрѣлъ я радости земныя!
«Баяна! ты тому виной,
«Что я въ странѣ своей родной
«Опять вкушаю наслажденье.
«О! будь женою ты моей!
«Среди безпечныхъ, быстрыхъ дней
«Дѣли со мною упоенье!»

XXXVII

Ахъ, драгоцѣнные друзья!
За чѣмъ, за чѣмъ не въ силахъ я
Восторги Ѳедора живые
Всѣ вамъ красиво описать
И откровенно пошептать
Страстей полеты роковые?
Но какъ-же быть! я не Парни,
Не Пушкинъ, страстью вдохновенный—

И гаснутъ страстные огни
Въ моей фантазіи смиренной.
Богъ съ ними! Въ слѣдующій разъ
Я напишу кой-что поболѣ.
Теперь займутъ отъ скуки насъ
Кайсацкія погони въ полѣ.

XXXVIII.

Злодѣи скачутъ; за горой
Ихъ звукъ оружія глухой,
Какъ громъ далекій, раздается,
И крикъ ужасный ихъ несется
Съ пустыннымъ вѣтромъ по полямъ.
Владѣетъ ими пламень мщенья,
И ярость адская очамъ
Мелькнула — нѣтъ для нихъ смиренья!
Они кричатъ, они грозятъ,
Они текутъ, они летятъ,
Какъ волны, бурей взгроможденны,
Какъ львы Плутона раздраженны.
Но тщетно грозные спѣшатъ

Исполнить гибельное мщенье —
Ужь Өедоръ средь своихъ полей
Съ Баяной милою своей
Вкушаетъ тайну наслажденья. —

XXXIX.

И воротилися они
Съ восходомъ утренней зари
Въ свое жилище кочевое;
Но гложетъ сердце удалое
Богатыря тоска-печаль
И ярость адская... и жаль
Ему Баяны черноокой.
Онъ часто, бѣдный, слезы льетъ
И часто ночью въ тьмѣ глубокой
Ее манитъ, ее зоветъ —
Напрасно все! Старикъ сердитый,
Тоской и яростью убитый,
Клянется грозно отомстить
И никогда не позабыть
Побѣгъ Уральца знаменитый. —

XL.

А Ѳедоръ нашъ? Онъ пировалъ
Въ чаду семейныхъ наслажденій,
Безпечно время убивалъ
Въ роскошной нѣгѣ упоеній;
И вѣрный онъ, не измѣнилъ
Киргизской дѣвѣ черноокой;
Ее онъ болѣ полюбилъ
Средь хаты скромной, неширокой;
Онъ говорилъ: «Забудь отца
«Со всей презрительной семьёю;
«Дай клятву предъ лицемъ Творца
«Быть вѣрною моей женою;
«Забудь его. Моя рука
«Не сгубитъ смертью старика —
«И дни свиданія сокрылись
«Какъ для тебя, такъ для него!»
И по ланитамъ у нее
Невольно слезы покатились......

XLI.

Летѣлъ крылатый день за днемъ;
Уральцу дѣва молодая

Ужь повинуется во всемъ,
Его желанья исполняя. —
Вотъ наконецъ предъ олтаремъ
Они предстали, обвѣнчались,
Союзомъ искренней любви
Взаимно въ храмѣ сочетались;
И дни блаженства ихъ текли
Въ туманѣ дивныхъ наслажденій,
И сладость милыхъ упоеній
То ихъ манила, то опять
Имъ говорила: «подождать!»

XLII.

Вотъ вамъ, товарищи и други,
Любимцы вдохновенныхъ думъ,
Мой вамъ знакомый, скромный умъ
И одинокіе досуги!
Быть можетъ, съ пламенемъ любви,
Въ мечтаньяхъ страстныхъ вы вздохнете,
Когда, порой, стихи мои
Съ улыбкой нѣжною прочтете!
Я знаю, критика найдетъ

На стихъ застѣнчивый, унылый;
Но, други! смерть не все беретъ:
Есть жизнь еще и за могилой,
Гдѣ солнце ясное взойдетъ.
Пусть критикъ съ зависти лорнетомъ
Готовитъ мстительный укоръ:
Не переставши быть поэтомъ,
Я буду веселъ въ шумѣ ссоръ! —

—⁂—

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Прим.	
11	1	Каждое колѣно у Киргизцевъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, неравно многолюдныхъ малыхъ поколѣній, которыя и называются *Улусами*.
12	2	*Малый* Богадакъ, озеро, лежащее недалеко отъ Красноярска.
15	3	Чепокъ, верхняя одежда, похожая на камзолъ; онъ почти всегда бываетъ краснаго цвѣта.
16	4	Кумысъ, перегонное молоко верблюжье, содержащее въ себѣ немного хмѣлю.
		Тунка, кожаный сосудъ, въ которой наливаютъ Киргизцы кумысъ и аракъ.
—	5	Батырь, богатырь, герой.
—	6	*А ночью демоны природы.* Многіе плѣнники называютъ Киргизцевъ ночными демонами природы: ибо они, по большой части, ѣздятъ на разбой ночью.
19	7	Извосъ, безлѣсная гора.
25	8	Киргизцы, съ самаго начала заключенія невольниковъ, заставляютъ ихъ жить вмѣстѣ со стадомъ, гдѣ и отпускается имъ пища.

—	9	Юрта, подвижной войлочной шалашъ, похожій на Башкирскій, но только гораздо опрятнѣе и чище.
26	10	Калыма, невѣста.
28	11	Киргизцы осторожны; они всегда надѣваютъ на невольниковъ цѣпи, дабы отвратить побѣгъ; но это продолжается недолго.
32	12	Каракуй-руки, дикія козы.
38	13	Язюренъ значитъ невольникъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound